

РЪКОВЕДСТВО

Серия «Дореволюционные периодические издания»

Русский архив

Историко-литературный сборник

В 155 томах

Том 3

1865

№ 1-6

Репринтное издание 1865 года

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Санкт-Петербург
Альфарет
2010 ✓

Ба-346083
157

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

3.

П Р И

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Изъ Записокъ *гг. Василя Алексеевича Перовскаго* о пребываніи его въ плѣну у Французовъ 1812—1814.
2. Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи, записка, составленная по вызову Вольнаго Экономическаго Общества въ 1767 году *А. Я. Полюновымъ* съ замѣткою къ ней г. мирового посредника *Я. П. Борзова*.
3. Староста, стихи, найденные въ бумагахъ покойнаго *Н. С. Никитина*.
4. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ *И. В. Попову* о выкупѣ крѣпостныхъ людей.
5. Шесть писемъ *А. П. Волинскаго* къ цесаревнѣ *Елизаветѣ Петровнѣ* 1724—1725.
6. Черта изъ жизни *Елизаветы Петровны*.
7. Историческія замѣчанія. *Князя М. А. Оболенскаго*.
8. Десять писемъ *Г. Р. Державина* къ *В. С. Попову*. 1784—1815.
9. О запискахъ *кн. И. М. Долгорукаго* и Хронологія его стихотвореній, замѣтки *М. Н. Лонгинова*.
10. Біографическое воспоминаніе о *гг. А. А. Закревскомъ*. ***
11. Изъ воспоминаній о *С. П. Шевыревѣ* *М. П. Погодина*.
12. Замѣтка объ *А. С. Пушкинѣ*.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Коми.

1865.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ПОКОЙНАГО ГРАФА ВАСИЛІЯ АЛЕКСѢВИЧА ПЕРОВСКАГО. *)

..... 1812-й годъ, достопамятный всѣмъ Русскимъ, памятенъ въ особенности мнѣ; мало изъ соотечественниковъ терпѣли то, что я, а тѣ, которые и были мнѣ товарищами въ мученіяхъ, не существуютъ больше.

Въ продолженіи всей кампаніи 1812 года до Москвы, будучи квартирмейстерскимъ офицеромъ, находился я при казацкихъ полкахъ, составлявшихъ арьергардъ 2-й арміи. На канунъ вступленія непріятеля въ столицу, отпросился я въ оную, дабы разъ еще побывать въ Москвѣ и дома; 1-го сентября передъ вечеромъ вѣхалъ я верхомъ въ городъ съ двумя казаками, примѣ находившимися. Не буду описывать то, что я чувствовалъ тогда; описать трудно и невозможно, а чувство это извѣстно всѣмъ Русскимъ, бывшимъ тогда въ арміи или Москвѣ. Переночевавъ дома, на другой день, 2-го сентября утромъ, ѣздилъ я по городу за нѣкоторыми надобностями. Безпокойство примѣтно было по всѣмъ улицамъ, но многія лавки еще были открыты, и въ нихъ торговали по обыкновенію, что вселяло обманчивое спокойствіе во многихъ жителей, и было, вѣроятно, при-

чиною ихъ гибели. Возвратившись домой, отправился я верхомъ изъ города чрезъ ближнюю заставу (Дефортовскую); часъ былъ, я думаю, пятый. Отѣхавъ съ версту отъ города въ право, увидѣли мы конницу, и хотя отъ насъ еще довольно далеко, но можно было различить, что тутъ была и наша и непріятельская. Подѣхавъ еще ближе, велѣлъ я казакамъ подождать меня, а самъ поскакалъ къ стоящимъ вмѣстѣ верхомъ офицерамъ. То былъ нашъ генераль-маіоръ Па евъ и французскій ген. Себастьяни съ своими адъютантами: у одного изъ послѣднихъ спросилъ я о предметѣ разговора обоихъ генераловъ. „Они уговариваются о томъ, чтобы пропустили полки наши, отвѣчалъ онъ мнѣ; наша бригада отрѣзана, но насъ пропускаютъ, и на сегодняшний день заключено перемиріе.“ Въ то же время, по командѣ, раздалась французская конница, и нашъ драгунскій и казацкій полки пошли въ интервалы. Начинало смеркаться. Я поскакалъ на то мѣсто, гдѣ оставилъ двухъ казаковъ своихъ. Пріѣхавъ, искалъ и кликалъ ихъ, но, не находя, поѣхалъ весьма скоро обратно. Не прошло пяти минутъ, какъ я говорилъ съ адъютантомъ генерала П. Не смотря на сумерки, видны были еще мнѣ войска наши, но французы протянули уже почную цѣпь свою, и когда я подѣхалъ къ ней, меня окликнули. Зная, что существуетъ перемиріе, не имѣлъ я причины скрывать, кто я, да

(*) Впослѣдствіи генераль-адъютанта Самарскаго и Оренбургскаго генераль-губернатора. За сообщеніе этихъ отрывковъ и дозволеніе ихъ напечатать, мы обязаны признательностью брату автора — графу Борису Алексѣевичу Перовскому.

къ тому же и обмануть было бы трудно не приготовившись. И такъ я отвѣчалъ часовому: „Русской“. Въ это время подъѣхалъ офицеръ, разставлявшій ночные посты, и сказалъ мнѣ, что не можетъ пропустить меня безъ позволенія генерала. „Поедемъ къ нему“, отвѣчалъ я. Онъ былъ недалеко и сидѣлъ еще верхомъ, раздавая приказанія окружающимъ его офицерамъ. Дабы избавиться вопросовъ, сказалъ я ему, что я адъютантъ генерала П., и что немного отставши прошу я его дать приказаніе пропустить меня чрезъ аванпосты; онъ тотчасъ приказалъ о томъ, и я поѣхалъ, радуясь, что такъ скоро отдѣлался. Но не отѣхалъ еще ста шаговъ, какъ услышалъ за собою голосъ генерала, который кликалъ меня. Я воротился: „Здѣсь въ близости находится король Неаполитанскій, сказалъ онъ мнѣ, вы говорите по французски, и онъ вѣрно радъ будетъ поговорить съ вами. Сдѣлайте одолженіе подождите немного, я уже послалъ адъютанта сказать ему объ васъ“. Не имѣя ни малѣйшаго опасенія быть долго задержану, а еще болѣе взтому въ плѣнъ, остался я безотговорочно. Генер. Себастьяни слѣзъ съ лошади, вошелъ въ маленькій деревянный домъ, подлѣ коего мы стояли, и попросивъ меня войти съ нимъ, велѣлъ принять мою лошадь. Вошедши спрашивалъ про Бородинское сраженіе, про Москву и проч. Такимъ образомъ прошло съ полчаса. Наконецъ воротился посланный адъютантъ и донесъ, что король занятъ, и никакъ меня видѣть не можетъ. Я тотчасъ всталъ, изъясняя генералу мое сожалѣніе, что не могъ исполнить его желанія, и опять просилъ его приказать проводить меня и пропустить чрезъ передовые посты. „Король нынѣ васъ видѣть не можетъ“, отвѣчалъ онъ, но завтра утромъ вѣрно захочетъ говорить съ вами; останьтесь до утра, нѣсколько часовъ не сдѣлаютъ вамъ никакой разницы; теперь ночь,

останьтесь, я даю вамъ честное слово, что завтра поутру будете вы между своими“. Я отвѣчалъ, что будутъ беспокоиться моимъ долгимъ отсутствіемъ, и сталъ убѣдительно просить, чтобъ меня отпустили тотчасъ. Онъ повторялъ свое, даже смѣялся моей озабоченности. Нечего было дѣлать: я остался ночевать съ нимъ нехотя, но успокоенный даннымъ имъ словомъ. Въ эту ночь служила мнѣ шинель моя подушкой и голый полъ постелью. Хотя и съ трудомъ, но могъ я, можетъ быть, спастись бѣгствомъ; но для этого надлежало мнѣ пробраться мимо нѣсколькихъ часовыхъ у генеральской квартиры, потомъ чрезъ многолюдные бивуаки, гдѣ въ ночь сію, слѣдовавшую за днемъ входа въ Москву, многіе не спали, а сидѣли около огней, пили и разговаривали; наконецъ должно было пройти чрезъ цѣпь ихъ. Я разчислилъ затрудненія такого предпріятія и находилъ, что не имѣю достаточной причины покуситься на оное. Меня бы, можетъ быть, остановили, привели бы къ тому же генералу, и тогда я навелъ бы на себя справедливое подозрѣніе. Меня бы могли счесть за шпиона и поступить, какъ съ таковымъ. Словомъ сказать, хотя въ послѣдствіи и раскаявался я часто, что не бѣжалъ въ ту ночь, но тогда рѣшиться казалось мнѣ и не благоразумно и не нужно.

Поутру на другой день, 3 сентября, послалъ меня генералъ Себастьяни съ своимъ адъютантомъ въ Москву къ королю Неаполитанскому, увѣряя, что тотъ же адъютантъ приведетъ меня и назадъ; сверхъ того, спросилъ, имѣютъ ли родные мои въ Москвѣ домъ, и далъ нѣсколько гусаръ для охраненія онаго. Съ ними отправился я, въѣхалъ въ Серпуховскую заставу, поворотилъ направо и чрезъ Нѣмецкую Слободу пріѣхалъ домой. Хотя непріятель занялъ столицу съ вечера, но еще въ этой части города

не было ни одного изъ солдатъ непріятельскихъ, и первыми были пришедшіе со мною. Я не думалъ еще, что нахожусь въ плѣну; но не могу описать горестнаго чувства, мною овладѣвашаго, особенно сравнивая оное съ окружавшими меня французами, которые по праву войны располагали всѣмъ, какъ своею собственностію, пѣли, веселились, торжествовали; всякое слово ихъ было для меня мученіемъ. Въ продолженіи дня пріѣхали отъ генерала Себастіани повозки, которыя тотчасъ нагрузили всѣмъ, что нашли въ домѣ, и отправили. Нѣсколько разъ просилъ я генеральскаго адъютанта отвезти меня скорѣе къ королю; онъ не спѣшилъ удовлетворить просьбѣ моей, и пировалъ во весь день съ нѣсколькими другими офицерами, къ нему пріѣхавшими. Я радовался приближенію ночи. Гости, или хозяева мои, улеглись, а я ходилъ по двору, съ нетерпѣніемъ ожидая утра, думая, что вмѣстѣ съ ночью кончится пребываніе мое между французами. Во многихъ мѣстахъ города видны были уже сильные пожары. Гусары, которыхъ далъ генералъ для охраненія дома, не спали, бродили по всему дому, грабили и пили.

Рано поутру, 4-го сентября, разбудилъ я адъютанта, и мы поѣхали къ королю Неаполитанскому, я на своей лошади и при саблѣ, — двѣ вещи, которыя доказывали, что меня еще не считали плѣннымъ. Король жилъ, кажется, въ домѣ Баташева (*). Когда привели меня къ нему, онъ былъ занятъ, и я болѣе часа дождался въ комнатѣ, наполненной адъютантами и другими офицерами, подъ его начальствомъ служащими. Меня окружили, и здѣсь я опять принужденъ былъ слушать то хвастовскіе рассказы, то обидныя или смѣшныя разсужденія ихъ на

счетъ русскихъ. „Мы думали вести войну съ просвѣщеннымъ народомъ, говорили они, а видимъ теперь, что это толпа разбойниковъ, — зажгли собственную столицу.“ Я замѣтилъ имъ, что какъ бы они о поступкѣ русскихъ ни думали, но сообщать мнѣ неблагопріятныя свои мысли было теперь не великодушно, потому что среди ихъ находился я одинъ русской. Болѣе всѣхъ прочихъ говорилъ про насъ съ злобою и даже съ ожесточеніемъ одинъ офицеръ, сидѣвшій подлѣ меня на окнѣ; сколько могъ замѣтить я, собою былъ онъ очень хорошъ, часть лица и головы его была перевязана чернымъ платкомъ, правая нога выше колѣна также была перевязана. Я дождался, чтобы онъ немного успокоился, чтобы начать съ нимъ разговоръ. — „Въ какомъ дѣлѣ были вы ранены?“, спросилъ я его. — „Я раненъ былъ не въ сраженіи, а въ Москвѣ“. — „Какъ въ Москвѣ?“ — Тутъ опять вышелъ онъ изъ себя, и я съ трудомъ изъ разговоровъ его могъ наконецъ понять, что въ день взятія Москвы онъ находился при королѣ Неаполитанскомъ изъ числа сопровождавшихъ его и вошедшихъ съ нимъ въ Кремль, торжественно и съ музыкой. При входѣ были они встрѣчены ружейными выстрѣлами. Это была толпа вооруженныхъ жителей; выстрѣлы ранили нѣсколько человекъ изъ свиты короля; не успѣли еще опомниться, какъ отчаянные съ крикомъ ура! бросились на французовъ, — тогда то и пострадалъ новый мой знакомый. Одинъ большой, сильный мужикъ бросился на него, ударилъ штыкомъ въ ногу, потомъ за ногу стащилъ съ лошади, лѣгъ на него и началъ кусать въ лице; старались его стащить съ офицера, но это было невозможно, на немъ его и изрубили. Искушенный французъ съ негодованіемъ увѣрялъ меня, что отъ мужика пахло водкой. Быть можетъ, это была и правда; но не думаю, чтобы въ ту минуту сохранилъ онъ до-

(*) Нынѣ Шепелевыхъ, за Яузскимъ мостомъ на Вшивой Горѣ. П. Б.

вольно хладнокровія, чтобы сдѣлать такое замѣчаніе. Въ злобѣ разсказа было что-то смѣшное даже для товарищей его. Французы принуждены были выдвинуть два орудія и выстрѣлить по толпѣ нѣскольکو разъ картечью: послѣдніе сіи защитники Кремля всѣ были побиты.

Наконецъ меня позвали къ королю. Онъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и готовился куда то ѣхать. Съ полчаса говорилъ онъ со мною весьма учтиво и ласково, спрашивалъ о Бородинскомъ дѣлѣ и о занимавшемъ ихъ тогда болѣе всего: о причинѣ Московскаго пожара и выѣздѣ жителей. Когда просилъ я его приказать отпустить меня въ русскую армію: „Развѣ вы не плѣнные?“ спросилъ онъ меня съ удивленіемъ. — „Нѣтъ отвѣчалъ я; генераль С удержалъ меня только, чтобы представить вашему величеству“. Король приказалъ позвать адъютанта генерала С.; пришли сказать, что онъ уже уѣхалъ. „Я вѣрю вамъ, сказалъ мнѣ Мюрать, вѣрю, что генераль С. обѣщалъ отпустить васъ, но не отъ меня теперь это зависитъ; вамъ непременно надобно переговорить о томъ съ генераломъ Бертье; я прикажу васъ проводить къ нему“. Тутъ началъ я уже опасаться, что не удастся мнѣ освободиться. Адъютантъ генер. С., который одинъ могъ доказать, что я говорилъ правду, уѣхалъ. Съ пожаромъ увеличивалось въ городѣ ежеминутно смущеніе, безпорядокъ; меня никто не хотѣлъ слушать. Но пока оставалась малѣйшая надежда, надлежало стараться получить свободу. Въ сопровожденіи офицера, которому поручилъ меня Мюрать, сошелъ я съ лѣстницы на дворъ; моей лошади уже не было, ею кто-то воспользовался, и я пѣшкомъ долженъ былъ слѣдовать за коннымъ адъютантомъ въ Кремль. Нелзя представить себѣ картину Москвы въ то время: улицы покрыты выброшенными изъ домовъ вещами и мебелью, пѣсни

пьяныхъ солдатъ, крикъ грабящихъ, дерущихся между собою; во многихъ мѣстахъ отъ забросанныхъ улицъ, дыма и огня, невозможно было пройти. Пожаръ, грабежъ и безпорядокъ, царствовали болѣе всего въ рядахъ, въ городѣ: тутъ множество солдатъ разныхъ полковъ, таскали въ разныя стороны изъ горящихъ лавокъ, платье, мѣха, съѣстные припасы и проч. Казалось, раззоренный муравейникъ откуда каждый старался вынести что ему было тогда драгоцѣннѣе.

Въ Кремль вошелъ я чрезъ Никольскія ворота; Сенатская площадь покрыта была бумагами. Изъ арсенала выдвинуты были всѣ орудія; гренадеры Наполеоновской гвардіи ходили по площади и сидѣли на большой пушкѣ; они занимали внутренность арсенала. Далѣе, у ступеней Краснаго Крыльца, стояли часовые верхами, два конныхъ гренадера въ парадныхъ мундирахъ. Чрезъ Красное Крыльцо провели меня къ Золотой Рѣшеткѣ; офицеръ, оставивъ меня на площадкѣ, пошелъ доложить обо мнѣ генералу Бертье.

Погода была довольно хорошая; но страшный вѣтеръ, усиленный, а можетъ быть и произведенный свирѣпствующимъ пожаромъ, едва позволялъ стоять на ногахъ. Внутри Кремля не было еще пожара, но съ площадки, за рѣку, видно было одно только пламя и ужасныя клубы дыма; изрѣдка, кой гдѣ, можно было различить кровли пезагорѣвшихъ еще строеній и колокольни; а вправо, за Грановитой Палатой, за Кремлевскою стѣной, подымалось до небесъ черное, густое, дымное облако, и слышенъ былъ трескъ отъ обрушающихся кровлей и стѣнъ.

Скоро сдѣлался я опять предметомъ любопытства мимопроходящихъ офицеровъ; меня окружили, спрашивали и усмѣхались, когда я говорилъ, что я не

плѣнный, а пришелъ требовать, чтобы отправили меня въ русскую армію. Не ласковы были разговоры ихъ со мною; они хладнокровно не могли смотрѣть на русскаго, — были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ или намѣреніяхъ. Надѣясь въ Москвѣ отдохнуть, они не нашли и квартиры; многіе изъ нихъ были уже по нѣскольку разъ выгнаны пожаромъ изъ занимаемыхъ домовъ; другіе весьма серьезно пѣняли, что не могутъ найти ни сапожника, ни портнаго, чтобы исправить обувь и одежду; всѣ, какъ будто имѣли на то право, жаловались на насъ.

Взглянувъ внизъ, увидѣлъ я нѣсколько солдатъ, ведущихъ полицейскаго офицера въ мундирномъ сюртукѣ. Его взвели на площадку, и одинъ штабъ-офицеръ началъ его допрашивать чрезъ переводчика (*). „Отъ чего горитъ Москва?“ „Кто приказалъ зажечь городъ?“ „За чѣмъ увезены пожарныя трубы?“ За чѣмъ онъ самъ остался въ Москвѣ?“ и другіе тому подобныя вопросы, на которые отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ полицейскій офицеръ, что онъ ничего не знаетъ, а остался въ городѣ потому, что не успѣлъ выѣхать. „Онъ ни въ чемъ не хочетъ признаваться, сказалъ допрашивающій; но очень видно, что онъ все знаетъ и остался здѣсь зажигать городъ. Отведите его и запирайте вмѣстѣ съ другими“. Я старался, но тщетно, увѣрить, что квартальный офицеръ точно ни о какихъ мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ, знать не можетъ. „Онъ служить въ полиціи, и вѣрно все знаетъ“, отвѣчали мнѣ. Несчастнаго повели и заперли въ подвалъ подъ площадкой, на которой я находился. „Что съ нимъ будетъ?“ Спросилъ я у офицера, который его допрашивалъ. — „Онъ будетъ наказанъ,

какъ заслуживаетъ: повѣшенъ или разстрѣлянъ съ прочими, которые за ту же вину съ нимъ заперты“. Этотъ странный приговоръ заставилъ и меня немного призадуматься.

Пришли звать меня къ генералу Бертье; я прошелъ чрезъ двѣ комнаты, наполненныя придворными и пажами въ парадныхъ мундирахъ и въ пудрѣ. Въ третьей комнатѣ встрѣтилъ меня генер. Бертье. Не долго говорилъ онъ со мною, и объявилъ, что отпустить меня не можетъ; что два дня я пробылъ между ними, и что не взято никакихъ предосторожностей; чтобы скрыть отъ меня то, чего не надлежало мнѣ знать или видѣть. „Я пробылъ два дня, отвѣчалъ я, не по своей охотѣ, а по неволѣ, а потому надѣюсь на справедливость вашу и на данное мнѣ генераломъ Себастіани честное слово“. — „Освобожденіе ваше не отъ меня зависитъ, сказалъ мнѣ генер. Бертье, подите и подождите не много; быть можетъ, захочетъ видѣть васъ императоръ, я прикажу обѣ васъ“. Я вышелъ опять на площадку; въ Кремлѣ былъ я только одинъ русской, кромѣ запертыхъ въ подвалъ. Чрезъ нѣсколько времени ударили внизу тревогу. Началась бѣготня, крикъ; офицеры всѣ сбѣжали съ лѣстницы и побѣжали на мѣсто тревоги. Я остался нѣсколько минутъ одинъ, смотрѣлъ за рѣку на пожаръ; сердце сильно билось во мнѣ; я не могъ отгадать причины тревоги, не зналъ, чего мнѣ ожидать должно. Скоро отъ возвращающихся узналъ я, что загорѣлось въ арсеналѣ или сенатѣ, не помню, но что саперы и другіе солдаты утушили пожаръ.

Одинъ изъ адъютантовъ ген. Бертье подошелъ ко мнѣ: „Слѣдуйте за мною“, сказалъ онъ, и сошелъ съ лѣстницы; я за нимъ; онъ остановился у дверей церкви Спаса на Бору, и просилъ войти въ нее. „Вы не долго будете здѣсь дожидаться, потерпите немного, за вами тотчасъ при-

(*) Де Лорнье, жившаго предъ тѣмъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ и пришедшаго теперь съ французскою арміею.

дуть". — „Да что рѣшилъ обо мнѣ генер. Бертье, отпустить ли меня?“ — Не давъ мнѣ на это никакого отвѣта, онъ вышелъ, заперъ за собой тяжелую желѣзную дверь, задвинулъ толстую задвижку, наложилъ замокъ, повернулъ ключъ, — и ушелъ! Оставшись одинъ, пришолъ я въ отчаяніе; теряя надежду избѣгнуть плѣна, находился я въ мучительнѣйшемъ положеніи: однако же утѣшался тѣмъ, что по крайней мѣрѣ не заперли меня въ подвалъ. Пробывъ нѣсколько часовъ въ церкви, и видя, что за мною никто не приходитъ, пришло мнѣ въ голову, что обо мнѣ забыли. Я не ошибся; цѣлый день пробылъ я въ горестномъ ожиданіи, никто не подходилъ и къ двери! Съ самаго утра былъ я на ногахъ, много ходилъ, ничего не ѣлъ, и хотя голода не чувствовалъ, но нравственная и тѣлесная слабость овладѣли мною. Я былъ въ какомъ-то томительномъ, тяжеломъ безпамятствѣ. Насталъ вечеръ, наступила и ночь; я лежалъ на каменномъ полу. Зарѣчный пожаръ чрезъ окна освѣщалъ внутренность церкви. Тѣнь старинныхъ желѣзныхъ рѣшетокъ падала на полъ; вокругъ меня все утихло, слышенъ былъ только глухой, дальній шумъ пожара и сигналы часовыхъ; я не спалъ, и не бодрствовалъ. Отъ происшествій прошлаго дня, казалось, все существо мое находилось въ какомъ-то недоумѣніи. Никогда еще не были такъ разстроены чувства мои, и мнѣ некому было сообщить своихъ впечатлѣній!

Настало утро, но не принесло никакой переменъ въ моемъ положеніи. Начали около церкви бѣгать, шумѣть, и сквозь крикъ и шумъ могъ я догадаться, что дѣло идетъ опять о пожарѣ: вѣроятно загорѣлись дрова, которыхъ складено было у церкви большое количество. Часу въ десятомъ (5-го сентября), услышалъ я стукъ скоро пробѣжающихъ повозокъ; послѣ узналъ я, что то были Наполеоновы

экипажи: онъ уѣхалъ въ Петровскій дворецъ.

Судя по времени, было за полдень, когда подошли къ церкви нѣсколько человѣкъ. Долго шевелили замкомъ, стараясь отворить; наконецъ сняли замокъ; дверь отворилась; я тогда лежалъ на полу. Въ церковь вошло человѣкъ десять гвардейскихъ саперъ и унтеръ-офицеръ. Думая войти въ пустое зданіе, они очень удивились, увидя меня: „Здорово товарищъ, сказалъ со смѣхомъ старый, уса-тый унтеръ-офицеръ, вставай, ты, я думаю, довольно налегался, уступи-ка намъ мѣсто. Да какъ ты залѣзъ сюда, и что здѣсь дѣлаешь?“ — „Мнѣ должно спросить, отвѣчалъ я, что хотите со мною сдѣлать? Вотъ вторые сутки какъ я здѣсь запертъ, и видно намѣрены меня съесть или уморить съ голоду“. Тутъ подошелъ офицеръ. — „Мы нашли въ церкви русскаго, г. капитанъ; что прикажите съ нимъ дѣлать?“ спросилъ унтеръ-офицеръ. Не входя въ дальнѣйшія толкованія: „Заприте его вмѣстѣ съ другими подъ крыльцомъ“, отвѣчалъ капитанъ. Предъ тѣмъ думалъ я о смерти, можетъ быть и желалъ ея; теперь же, когда увидѣлъ ее ближе, поступилъ какъ въ баснѣ дровосѣкъ, ее призывавшій. Угрожающая опасность придавала мнѣ силъ, я вскочилъ, и выбѣжалъ къ офицеру: „Куда приказываете вы вести меня, сказалъ я ему съ жаромъ, съ какими людьми хотите вы меня запереть? Я знаю, въ чемъ вы ихъ обвиняете, знаю, къ чему и присуждены они. По какому праву хотите и со мною тоже сдѣлать? Я остановленъ за городомъ во время перемирія, и до сихъ поръ не почитаю себя въ плѣну. Вы видите, прибавилъ я, указывая на саблю, что мнѣ оставлено и оружіе“. „Извините, милостивый государь, сказалъ капитанъ очень учтиво, я ошибся.“ „Однако же, отвѣчалъ я, ошибка эта стоила бы мнѣ жизни, естлибы я не услышалъ приказанія вашего, или не

понялъ бы его.“ „Тогда было бы это несчастіе (cela serait bien malheureux)“ сказалъ онъ. Теперь пойду спросить, куда прикажутъ васъ отвести.“

Я остался въ церкви съ солдатами старой Наполеоновою гвардіею. Былъ бы я въ другомъ расположеніи, то конечно разговоръ ихъ между собою и со мною, весьма бы меня занялъ. Нельзя придумать всѣхъ странныхъ вопросовъ, которые они мнѣ дѣлали на счетъ русскихъ, пожара и проч. Многіе не хотѣли вѣрить, что я русской. Другіе, забывавъ, что городъ пустъ, увѣрали, что я оставленъ для возмущенія противъ нихъ народа. Толковали о политикѣ, дѣлали разныя предположенія объ окончаніи войны, изъ которыхъ однако же ни одно не исполнилось. Вообще обходились они со мною ласково, и когда начали обѣдать, то пригласили и меня. Обѣдъ состоялъ изъ густо-сваренной перловой крупы, хлѣба и сыру, потомъ принесли боченокъ красного вина. Наконецъ капитанъ возвратился въ церковь. Я и французы лежали на разосланныхъ плащахъ. „Васъ приказано отвезти къ прицу Екмюльскому, тамъ рѣшится судьба ваша. Вотъ проводникъ“, сказалъ капитанъ, указывая на коннаго гвардейскаго жандарма, стоявшаго верхомъ у дверей. Тутъ сдалъ онъ меня жандарму, и я опять долженъ былъ скорыми шагами слѣдовать за жандармскою лошадейю. Проводникъ мой не твердо еще зналъ Московскія улицы, а я не зналъ, гдѣ живетъ Даву. Онъ повелъ меня изъ Боровицкихъ воротъ на лѣво, и долго кружилъ по разнымъ улицамъ. Многихъ не могъ я узнать: такъ обезображены были онъ уже пожаромъ; гдѣ были деревянные дома, остались только однѣ печныя трубы, и въ курящихся остаткахъ искали добычи тѣ, которые не успѣли грабить дома прежде пожара. Я не встрѣтилъ ни одного русскаго; вездѣ попадались навьюченные солдаты; отъ смрада и

дыма съ трудомъ можно было дышать. Наконецъ жандармъ, который, какъ будто съ намѣреніемъ хотѣлъ показать мнѣ всю Москву, привелъ меня на Дѣвичье поле, среди коего бивакировалъ пѣхотный полкъ. Тутъ жилъ Даву; тутъ ожидала меня странная и непредвидѣнная сцена.

Даву занималъ домъ близъ монастыря; адъютантъ его принималъ меня отъ жандарма, и доложивъ обо мнѣ генералу, ввелъ въ большую комнату. У окошка, противъ двери, въ которую я вошелъ, сидѣлъ Даву ко мнѣ спиною и что-то писалъ. Я остановился посреди комнаты, нѣсколько минутъ стоялъ; онъ не оглядывался. Наконецъ строгимъ, грубымъ голосомъ началъ разговоръ, все не смотря на меня: „Кто вы?“ — „Русской офицеръ“. — „Парламентеръ?“ — „Нѣтъ“. — „Такъ плѣнный?“ — „Нѣтъ, меня остановили за городомъ въ день взятія Москвы, на аванпостахъ генер. Себастьяни, во время перемирія, и генералъ обѣщалъ отпустить меня; но я былъ удержанъ, и до сихъ поръ не могу добиться свободы, хотя былъ остановленъ противъ всякаго права войны“. Даву съ нетерпѣніемъ перебилъ рѣчь мою. „Что вы толкуете мнѣ о перемиріи? Что за перемиріе, когда въ городѣ по насъ стрѣляли? Вы взяты въ плѣнъ по всей справедливости, и должны въ плѣну и остаться“. — „Я не могу отвѣчать за поступки нѣсколькихъ жителей; если вы меня не отпустите, то поступите несправедливо“. — „Молчите!“ закричалъ онъ, и пристально взглянувъ на меня, сказалъ: „Ба! да я васъ знаю!“ — „Не думаю, генералъ, я впервые имѣю честь васъ видѣть“. — „Не запирайтесь, вамъ меня обмануть не удастся, вы уже были разъ взяты въ плѣнъ подъ Смоленскомъ и бѣжали. Но вы увидите, какъ мы поступаемъ съ людьми, которые по нѣскольку разъ отдаются въ плѣнъ и уходятъ! Во второй разъ не уйдете!“ и обратясь къ адъютанту, прибавилъ весьма хладнокровно:

„Прикажите призвать унтеръ-офицера и четырехъ рядовыхъ, чтобъ разстрѣлять этого офицера.“ Адъютантъ вышелъ. — „Я увѣряю честію, генераль, что въ первый разъ нахожусь въ арміи вашей, и вижу, что и одного раза слишкомъ много. Надобно думать, что я имѣю съ кѣмъ-нибудь другимъ несчастное для меня сходство.“ — „Не трудитесь увѣрять меня, трудъ напрасный, не переувѣрите!“ (Всѣ рѣчи генерала Даву приправлены были самыми выразительными словами солдатскаго словаря). Онъ всталъ, повелъ меня въ другую комнату и началъ дѣлать множество вопросовъ совершенно лишнихъ, потому-что зналъ на нихъ отвѣты лучше меня; показалъ мнѣ подробную рисованную карту окрестностей Москвы, верстъ на 30 въ окружности. Имена написаны были по французски, и карта хотя наскоро начерчена, была хороша. Думая о томъ, чѣмъ долженъ кончиться для меня этотъ разговоръ, я не принималъ въ немъ большаго участія. Генер. Даву, замѣтя мою разсѣянность, кончилъ вопросы свои слѣдующею рѣчью: „Теперь люди, я думаю, уже готовы; подите, и вы увидите, какой имѣютъ со мною успѣхъ такіа хитрости, какія употреблены вами.“ Я опять всѣми силами старался увѣрить, что не я былъ взятъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ. Но увѣренія не доказательства, а доказать мнѣ было невозможно. Досадуя на свое лицо, согласился бы я промѣнять его на самое уродливое, лишь бы не было оно сходно съ тѣмъ, которое имѣлъ попавшійся въ плѣнъ подъ Смоленскомъ русскій офицеръ. Видя неудачу своихъ увѣреній, готовился я уже идти дать разстрѣлять себя, какъ вдругъ пришла въ голову генералу счастливая мысль, и онъ сказалъ: „Постойте немного, увѣренія ваши нимало меня не убѣждаютъ. Я твердо знаю, что взяты были въ плѣнъ подъ Смоленскомъ вы, а не кто другой, но хочу передъ тѣмъ какъ васъ разстрѣляютъ,

изобличить васъ еще во лжи. Я велю позвать того адъютанта, который находился при мнѣ въ Смоленскѣ, онъ вѣрно также узнаетъ васъ.“ — Генераль Даву, казалось, боялся, чтобы я не написалъ человеколюбію пришедшую ему мысль.

Явился адъютантъ. Въ рукахъ, или лучше сказать въ глазахъ его, была теперь моя участь. Жизнь моя зависѣла отъ расположенія его потакать своему генералу, который тотчасъ сказалъ ему: „Посмотрите на этого человѣка. Не тотъ ли это, который подъ Смоленскомъ былъ взятъ, и ночью бѣжалъ отъ насъ?“ Мнѣ хотѣлось сдѣлать какую-нибудь гримасу, но боялся тѣмъ еще болѣе придать лицу моему сходства. Адъютантъ пристально вглядывался въ меня, со всѣхъ сторонъ: „Нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ генералу, не думаю, чтобы это былъ тотъ же; тотъ былъ немного выше и старѣе.“ Гора свалилась съ плечъ моихъ. „Вы обязаны адъютанту моему, сказалъ Даву, безъ него, право, не миновали бы вы пули; теперь подите, васъ отведутъ къ товарищамъ.“ Я вышелъ, видя, что протестовать противъ плѣна было бы уже тутъ совсѣмъ неумѣста.

Унтеръ-офицеръ, коему поручено было отвезти меня въ депо плѣнныхъ, пользуясь обычаемъ, принятымъ въ такихъ случаяхъ, взялъ у меня саблю и нѣсколько бывшихъ со мною червонцевъ. Депо было на Дѣвичьемъ полѣ, въ недостроенномъ деревянномъ домѣ, окруженномъ часовыми. Я съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть плѣнныхъ товарищей, надѣясь найти въ нихъ нѣкоторое утѣшеніе. Но не вполне исполнилась моя надежда, и были минуты, когда, находясь между ними, я жалѣлъ о томъ времени, какъ былъ запертъ одинъ въ церкви Спаса на Бору. Въ небольшой комнатѣ того деревяннаго дома собрали французы человѣкъ трид-

чать разнаго званія людей; въ числѣ ихъ не было ни одного военнаго; большая часть были служащіе въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ столицы. Предполагая увидѣть русскихъ, угнетенныхъ положеніемъ своимъ, чувствующихъ оное вполнѣ, какъ удивился я, когда, приближаясь къ дому, безпорядочный шумъ и даже пѣсни указали мнѣ о мѣстопробываніи соотечественниковъ, съ которыми вперед надлежало мнѣ дѣлить участь свою. Новыя горчайшія мысли присоединились къ тѣмъ, коими была наполнена душа моя, и не смотря на ту непреодолимую надобность, которая въ несчастіи заставляетъ всякаго человѣка искать кого-нибудь, кому бы повѣрить чувства свои, не нашелъ я ни одного изъ тѣхъ плѣнныхъ, который бы внушилъ мнѣ малѣйшую довѣренность; нѣкоторые, сумѣвъ сохранить свои деньги, и покупая водку у солдатъ, часто употребляли оную безъ умѣренности.

Въ семъ обществѣ пробылъ я десять дней, одинъ на другой совершенно схожихъ. По утру раздавали намъ хлѣбъ, каждому около фунта; нѣсколько разъ случалось однако же, что проходилъ день и безъ раздачи. Раза два въ это время давали намъ и говядину, за которой должно было ходить самимъ довольно далеко въ сопровожденіи конвойныхъ солдатъ. Не имѣя никакой посуды для варенія пищи, пекли мы говядину на бивачныхъ огняхъ нашей стражи, и ѣли безъ соли; иногда намъ удавалось промѣнивать у солдатъ сырое мясо на вареное. Когда бивакирующіе на Дѣвичьемъ полѣ солдаты доставали для себя скотъ, то я и нѣсколько человѣкъ другихъ русскихъ ходили къ нимъ, чтобы его убивать, сдирать кожу, словомъ исправлять мясничное ремесло. За трудъ этотъ отдавали намъ французы внутренность и другія части скота, которыя имъ не годились. Въ комнатѣ, гдѣ мы жили, не только не

было ни стула, ни стола, но намъ не дали даже и соломы для постели. На мѣсто оной, наносили мы каждый для себя изъ сада, принадлежащаго дому, упавшій тогда листь съ деревьевъ, а какъ въ комнатѣ было весьма тѣсно, то по неволѣ служили мы одинъ другому изголовьемъ. Часто цѣлыя ночи проводилъ я у окна; смотрѣлъ на огненные зарева отъ отдаленныхъ пожаровъ, и мысленно слѣдовалъ за арміей, о которой съ перваго дня моего плѣна я ничего не слыхалъ.

На одиннадцатый или двѣнадцатый день нашего заточенія, вошелъ къ намъ французскій пѣхотный офицеръ, и объявилъ, что ему поручено на другой день вести насъ въ Смоленскъ, и чтобы мы рано утромъ были готовы къ походу. Предупрежденіе почти лишнее: намъ готовиться къ походу было нѣчего. Платье, которое было на насъ, было единственнымъ нашимъ имуществомъ, но выступленію изъ Москвы почти всѣ мы были рады. Всякая перемѣна въ положеніи нашемъ казалась улучшеніемъ.

Въ тотъ же день ввечеру, пришелъ опять офицеръ для составленія намъ списка по чинамъ: всѣ штатскіе чиновники внесены были въ списокъ соответствующими военными чинами, а потому и сдѣлался я, прапорщикъ, младшимъ изъ всего общества.

На другой день, 16-го или 17-го сентября, на разсвѣтѣ, пришелъ тотъ же офицеръ. Провожая насъ, сдѣлали перекличку и роздали хлѣба каждому фунта по три, сказавъ прежде въ предосторожность, что такъ какъ неизвѣстно, гдѣ и когда раздадутъ намъ опять хлѣбъ, то чтобы мы его берегли.

Не выходя еще изъ города, присоединился къ намъ плѣнный полковникъ Ф. М., счастливымъ случаемъ попавшійся въ руки французскаго офицера, который оставилъ ему не только всѣ вещи, но даже и

экипажъ. Полковникъ Ф. М. вѣхалъ въ бричку, запряженной парой. Здѣсь почти-таю я обязанностію изъяснить благодар-ность мою этому офицеру, удѣлявшему мнѣ иногда отъ имѣющихся у него съест-ныхъ припасовъ, а иногда сажавшаго меня съ собою въ бричку, безъ чего вѣ-роятно претерпѣлъ бы я участь многихъ товарищей. Постояннымъ спутникомъ ему въ бричку былъ кн. В—ъ, который велъ себя во все время несчастнаго по-хода нашего столь странно, что въ про-долженіи повѣствованія моего намѣренъ я хранить о немъ глубочайшее молчаніе.

Улицы, отъ Дѣвичьяго поля до заставы покрыты были обгорѣлыми бревнами, вся-каго рода обломками; многія мѣста еще курились, кой-гдѣ видны были и мертвыя тѣла,—все вмѣстѣ представляло картину ужаснѣйшаго раззоренія.

Тотчасъ по выходѣ изъ Москвы, кото-рую покинулъ я съ чувствомъ прискор-бія и сожалѣнія, хотя нѣкоторымъ обра-зомъ и радъ былъ отъ нея удалиться, за заставой дожидалась насъ колонна плѣн-ныхъ солдатъ съ сильнымъ конвоемъ. Утѣшительно и вмѣстѣ больно было встрѣ-титься съ плѣнными воинами нашими. Вся колонна состояла слишкомъ изъ тысячи чело-вѣкъ, но и тутъ, какъ между офице-рами, не всѣ были военные и понапрасну дѣлили съ нами горькую участь. Въ сол-датской колоннѣ много было купцовъ и крестьянъ. Французы, ссылаясь на ихъ бороды, увѣряли меня, что это казаки. Тутъ были и дворовые люди и даже лакеи въ ливреяхъ, которые, по мнѣнію прово-жающихъ насъ, были также переодѣтыми солдатами. Одинъ изъ конвойныхъ солдатъ требовалъ моихъ сапогъ, показывая мнѣ свои разодранные. Я разулся и отдалъ ему ихъ добровольно, избѣжавъ тѣмъ грубости или насилія. Идучи босыми но-гами по крѣпко замерзшей грязи, я скоро почувствовалъ сильную боль въ ногахъ,

которая постоянно увеличивалась вмѣстѣ съ опухолью. Нѣсколько верстъ за Мо-сковую, встрѣтились намъ два мужика. Одинъ изъ нихъ нѣсъ за спиной запасныя лапти, и уступилъ ихъ мнѣ за кусокъ хлѣба. Щастливый пріобрѣтеніемъ симъ, догналъ я голову колонны и шелъ нѣко-торое время близъ французскаго офицера. Вдругъ за нѣсколько шаговъ позади насъ раздался ружейный выстрѣлъ, на который не обратилъ я сначала вниманія, думая, что причиною тому неосторожность како-го нибудь конвойнаго солдата. Вслѣдъ за выстрѣломъ подошелъ къ офицеру ун-теръ-офицеръ, донесъ, что пристрѣлилъ одного изъ плѣнныхъ, и возвратился въ свое мѣсто. Я не вѣрилъ ушамъ своимъ, и просилъ офицера объяснить мнѣ слы-шанное мною: „Я имѣю письменное по-велѣніе, сказалъ онъ мнѣ съ вѣжливо-стью, пристрѣливать плѣнныхъ, которые, отъ усталости или по другой причинѣ, отстанутъ отъ хвоста колонны болѣе пятидесяти шаговъ. На это дано конвой-нымъ приказаніе однажды навсегда. Ка-сательно же офицеровъ, прибавилъ онъ, такъ какъ число ихъ не слишкомъ значи-тельно, то велѣно мнѣ ихъ, пристрѣли-вши, хоронить“. Сіи послѣднія слова были, кажется, имъ сказаны изъ какой то стран-ной учтивости, и нѣкоторымъ образомъ мнѣ лично въ утѣшеніе. Я отвѣчалъ ему, что, судя о товарищахъ своихъ по себѣ, не думаю я, чтобы кто нибудь изъ насъ сталъ настаивать на исполненіе той части его обязанности, которая относилась до похоронъ, и объявилъ ему отъ имени всѣхъ, что мы избавляемъ его отъ лиш-няго сего труда. Признаюсь, что откры-тіе, имъ мнѣ сдѣланное, не совсѣмъ мнѣ нравилось, ибо боль въ ногахъ напомина-ла мнѣ о возможности быть разстрѣле-ну. — „Что могло быть причиною же-стокаго повелѣнія, вами исполняемаго, спросилъ я офицера? Не лучше ли не брать въ плѣнъ, чѣмъ, взявши, разстрѣ-

ливать? И какъ хотите вы требовать отъ людей голодныхъ, чтобъ они шли не оставая одинъ отъ другаго? — „Все это правда, отвѣчалъ онъ, но начальство приняло сию мѣру для избѣжанія того, чтобы отставшіе плѣнные. отдохнувъ, не стали тревожить насъ. Впрочемъ вы сами тому причину: больныхъ оставлять негдѣ, госпиталей нѣтъ, вы сожгли и города и деревни“.

Послѣ похода, продолжавшагося нѣсколько часовъ, былъ сдѣланъ привалъ, несхожій на привалы, дѣлаемые войсками: веселыхъ разговоровъ не было слышно, ни варить ни ѣсть было намъ нечего, всякой берегъ свой хлѣбъ для послѣдней минуты, а огня развести также не хотѣлъ никто — для этого надлежало бы идти за дровами, силы были для насъ еще дороже пищи, жизнь зависѣла отъ ногъ, и всякой шагъ могъ для будущаго времени пригодиться. Въ молчаніи лежали мы на голой, мерзлой землѣ, и когда встали, чтобы идти далѣе, то на мѣстѣ привала остались изъ солдатъ двое мертвыхъ, которыхъ однако же для вѣрности все таки велѣно было пристрѣлить.

Хотя мы шли цѣлый день, но переходъ сдѣлали небольшой, ибо тащились весьма тихо, и гдѣ застала насъ ночь, тамъ и остановились, своротивъ съ дороги на поле. Въ продолженіи дня пристрѣлено было 6 или 7 человекъ, въ числѣ которыхъ одинъ изъ штатскихъ чиновниковъ. Собравши плѣнныхъ въ толпу или кучу, развели французы для себя огни и разставили вокругъ насъ довольное число часовыхъ; а мы должны были согрѣваться, лежась одинъ къ другому какъ можно ближе. Я боялся спать, чтобы во время сна не отморозить ногъ, часто вставалъ и ходилъ, стараясь разогрѣться.

Рано утромъ пошли мы опять въ походъ. Не могу описывать странствованія нашего по днямъ; тогда не вѣлъ я жур-

нала, и помню только главные изъ проишествій. Такъ какъ ночью удавалось намъ хотя немного отдыхать, то утромъ шли мы довольно хорошо, и обыкновенно только по прошествіи нѣсколькихъ часовъ ходьбы начинали раздаваться ужасные выстрѣлы, лишавшіе насъ товарищей. Иногда слышали мы ихъ до 15-ти въ день и болѣе. Конвой перемѣнялся почти черезъ день, но образъ обхожденія съ нами былъ всегда одинаковъ. Смѣняющійся офицеръ давалъ нужныя на то наставленія своему преемнику, и мы не примѣчали даже перемѣны нашихъ спутниковъ. День ото дня становился походъ, отъ холода и голода, тяжеле, и число умирающихъ и пристрѣливаемыхъ значительнѣе. Несчастный плѣнный, чувствуя, что силы его покидаютъ, отставалъ по немногу, прощаясь съ товарищами; всѣ проходили мимо его, конвойный солдатъ одинъ оставался при немъ, пристрѣливалъ его, и догонялъ потомъ колонну, заряжая свое ружье. Мнѣ случилось разъ видѣть стараго солдата, упавшаго на дорогѣ отъ усталости. Французъ, оставшійся, чтобы пристрѣлить его, три раза прикладывалъ дуло своего ружья къ головѣ русскаго, три раза спускалъ курокъ, ружье осѣкалось! Наконецъ ушелъ онъ, и прислалъ другаго, у котораго ружье было исправнѣе.

Иногда плѣнные, предчувствуя участь свою, вдали на дорогѣ церковь, старались дотащиться до ней, останавливались по нѣсколько рядомъ у дверей на паперти, молились, и ихъ застрѣливали.

Всякій день число плѣнныхъ уменьшалось. Когда колонна была еще многочисленнѣе, то впечатлѣніе при видѣ умирающаго товарища не такъ сильно на меня дѣйствовало; но когда осталось насъ столько, что могъ каждый знать друга друга въ лице, то гораздо болѣе трогала меня потеря товарищей, и моя очередь,

казалось, приближалась ежеминутно. Не надо думать однако же, что опасеніе смерти было мучительно въ моемъ положеніи. Къ счастью привязанность къ жизни ослабѣваетъ вмѣстѣ съ физическими силами. Больной, страдавшій долго отъ тяжелой болѣзни, рѣдко видитъ приближеніе смерти съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ смотритъ на нее въ состояніи здоровья. Я не жалѣлъ покинуть жизнь; мнѣ было только больно думать, что я умру и не буду имѣть не только ни роднаго, ни друга, который бы принялъ послѣдній вздохъ мой, но что даже и тѣ, которые будутъ свидѣтелями моей смерти, забудутъ меня, какъ скоро отойдутъ довольно далеко, чтобы не видѣть моего тѣла.

Скоро хлѣбъ нашъ весь вышелъ. Тѣ, которые сохранили его еще немного, прятали его отъ другихъ. На походѣ искали мы пищи въ пеплѣ сгорѣвшихъ деревень и въ давно опустошенныхъ уже огородахъ. Все было хорошо, что могло хотя на время утолить голодъ. Никогда не забуду, съ какимъ удовольствіемъ съѣлъ я найденную мною въ кучѣ сора луковицу. Однажды нашли мы нѣсколько неубранной конопли, которую, собравши, сварили и употребили въ пищу. Мясо мертвыхъ, давно убитыхъ лошадей сдѣлалось наконецъ единственною нашею пищею. Почернѣвшее отъ времени и морозовъ, было оно вредно для здоровья, особенно же потому, что ѣли мы его безъ соли и полусырое. Блѣдные, въ локутьяхъ, безъ обуви, представляли плѣнные картину ужасную и отвратительную.

Такимъ образомъ дошли мы до поля Бородинскаго сраженія. Мертвые тѣла людей и убитыя лошади, были не прибраны. Отъ большой дороги влѣво, все пространство, какъ далеко могло простираться зрѣніе, покрыто было мертвыми тѣлами людей и лошадей. Большая часть труповъ были безъ одежды. Терпящіе

нужду въ оной французскіе солдаты искали ее на мертвомъ товарищѣ или не-пріятелѣ. Я давно уже страдалъ ужасною болью въ ногахъ: отъ Москвы шелъ я безъ сапоговъ по крѣпко замерзшей грязи. Отъ колѣнъ и до подошвы были ноги мои въ ранахъ, и я прибѣгнулъ къ тому же способу: примѣривъ нѣсколько сапоговъ, снятыхъ самимъ мною, не нашелъ я ни одного по своей ногѣ, и долженъ былъ довольствоваться.....

(Здѣсь вѣроятно не было дописано или утрачено; слѣдующій отрывокъ относится уже къ другому времени.)

..... Уже около полутора года, какъ находился я въ плѣну. Въ первыхъ числахъ февраля 1814 г., былъ я вмѣстѣ съ другими плѣнными въ Орлеанѣ. Два дня пробыли мы тамъ на мѣстѣ, на третій повели насъ далѣе, вдоль прекраснаго берега Луары. 9-го числа по утру, выступили мы изъ Орлеана, и передъ выходомъ нашимъ слышалъ я отъ жителей, что въ скоромъ времени ожидаютъ въ окрестностяхъ города непріятельскихъ, т. е., нашихъ войскъ. На переходѣ въ городокъ Божанси. 6 французскихъ миль (25 верстъ) отъ Орлеана, и почти предъ вступленіемъ въ оный, узнали мы, что казаки появились у Орлеана. Тотчасъ же предложилъ я товарищу моему С. . . . воротиться въ Орлеанъ и стараться пробраться въ нашу армію. Тогда не могли мы еще отгадать, долго ли намъ быть въ плѣну, и какой конецъ будутъ имѣть дѣйствія войскъ нашихъ во Франціи. С. . . . охотно принялъ предложеніе мое; время было дорого. Пришли въ Божанси, открыли намѣреніе наше нѣкоторымъ изъ товарищей, и просили ихъ скрыть побѣгъ нашъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Простились, и пошли обратно въ Орлеанъ, не давъ себѣ времени и отдохнуть. Дни были хорошіе, и когда пустились мы въ путь, то уже смеркалось.

С... говорилъ по французски худо, но говорить любилъ; я взялъ его съ тѣмъ, чтобы во всю дорогу онъ не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова. У меня въ карманѣ было 300 франковъ, на которые надѣялся я нанять проводника, который бы провелъ насъ до Орлеана проселочными дорогами. Большая же дорога была уже намъ извѣстна, шла все по крутому берегу рѣки среди виноградниковъ. По ней вышли мы изъ Божанси и вскорѣ повстрѣчались съ двумя конными жандармами. Однако же, послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, на которые отвѣчалъ я смѣло, пропустили они насъ. Послѣ этой встрѣчи, сталъ я опасаться вторичной, и почувствовалъ еще болѣе надобности имѣть проводника. Къ счастью, идя очень скоро, обогнали мы одного молодого крестьянина, съ которымъ вступилъ я тотчасъ въ разговоръ, и, примѣтя, что онъ почитаетъ насъ за бѣглыхъ конскриптовъ, вывелъ я его изъ заблужденія, открылся ему и далъ 150 фр. съ тѣмъ, чтобы показалъ онъ намъ дорогу проселками до Орлеана, и обѣщался еще столько же, если доведетъ насъ счастливо до русскихъ. Уговорились и пошли: крестьянинъ впереди, С... и я за нимъ; мы не шли, бѣжали. До разсвѣта должно было намъ достичь русскихъ, или быть пойманными. Окрестности Орлеана весьма населены. Деревни одна подлѣ другой, и вездѣ національная гвардія содержала караулы при въѣздахъ и по улицамъ. Нѣсколько разъ окликали насъ; вездѣ отвѣчалъ проводникъ, и насъ пропускали. Въ одной изъ деревень караульный унтеръ-офицеръ вышелъ съ фонаремъ на улицу, пристально осмотрѣлъ насъ, однакоже не задержалъ. Погода была дурная; выпало довольно много снѣгу, и идти было очень трудно; мы оба устали, но нечего было дѣлать; отдохнуть негдѣ, да и нельзя было. С... такъ усталъ, что почти спалъ на ходу и часто падалъ,

наконецъ совершенно отказался идти далѣе,—до Орлеана оставалось еще верстъ восемь. Въ первой деревнѣ, которая попалась намъ на дорогѣ, мы рѣшились остановиться хотя на часъ, и подкрѣпить силы. Въ намѣреніи семъ стучались мы у нѣсколькихъ домовъ: въ иныхъ намъ не отвѣчали, хозяева другихъ изъ окошка отказывались впустить насъ, иные даже угрожали бросать въ насъ камнями, если тотчасъ же не отойдемъ. Нечего было дѣлать! Подосадовали и пошли далѣе. Жители деревень близъ Орлеана боялись тогда своихъ мародеровъ и нашихъ казаковъ, и страхъ этотъ былъ причиною ихъ негостепріимства. Признаюсь, что и мнѣ нуженъ былъ отдыхъ, но имѣя въ виду скорое освобожденіе, не трудно было рѣшиться на все! Долго тащились мы еще въ молчаніи прерываемомъ только частыми вопросами проводнику: далеко ли еще до Орлеана?

Наконецъ начало уже разсвѣтать, и мы взошли на возвышеніе, покрытое виноградникомъ. Здѣсь показалъ намъ проводникъ въ весьма близкомъ разстояніи Орлеанъ; такъ близко, что могли мы различить догорающіе фонари на прекрасномъ мосту чрезъ Луару въ самомъ городѣ. Въ сторонѣ, подалѣе, мелькали въ полѣ огни. Показывая на нихъ: „Тамъ Русскіе“, сказалъ нашъ проводникъ. Я болѣе вамъ не нуженъ, идите спокойно по этой тропинкѣ, скоро конечно вы встрѣтите вашихъ. Прощайте, желаю вамъ всякаго счастія.“ Я далъ ему остальные 150 фр., и мы разстались.

Надобно быть въ плѣну и вытерпѣть то, что я вытерпѣлъ, чтобы понять чувство надежды чрезъ нѣсколько минутъ быть среди соотечественниковъ и на свободѣ! С... и я торжествовали, весело обнялись, поздравили другъ друга, забыли усталость и пошли бодрѣе. Но не долго продолжалась радость наша! Ша-

говъ сто отъ того мѣста, гдѣ мы предавались такой пріятной надеждѣ, по той же тропинкѣ, которая должна была привести насъ на биваки русскихъ, набѣжали мы на французскій пикетъ! Пять человѣкъ стояли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, опершись на ружья. Они насъ видѣли. Что дѣлать? сказалъ С. . . — Не останавливайся, отвѣчалъ я, пойдемъ впередъ, — болѣе дѣлать нечего, можетъ быть и удастся еще пройти. Подходя къ пикету, говорилъ я сколько могъ хладнокровнѣе, какъ будто продолжая съ С. . . разговоръ и не примѣчая стоящихъ на дорогѣ солдатъ. Но поровнявшись съ ними, остановилъ меня одинъ изъ нихъ за платье: „Куда идете?“ — Въ Орлеанъ. — „У Орлеана русскіе“. — Такъ что же, я иду къ себѣ, — въ Орлеанъ домъ мой. — „Покажите паспортъ, или пропускной билетъ.“ Я всегда ходилъ безъ паспорта и безъ билета, надѣюсь, что и теперь пройду, и пошелъ далѣе. „Останови ихъ“, закричалъ унтеръ-офицеръ. — Я самъ остановился. — „Отведите ихъ въ деревню къ офицеру.“ — Насъ повели.

„Теперь, братъ, нѣтъ надежды, сказалъ я С. . . Русскихъ намъ на этотъ разъ не видать; надо лишь стараться не быть признанными за бѣглыхъ плѣнныхъ, и на это есть одинъ только способъ: плѣнные проведены по этой дорогѣ изъ Орлеана третьяго дня, скажемъ, что мы отстали, что ты оставался больнымъ въ деревнѣ (я назову такую, которая уже занята русскими, чтобы не пошли спрашивать), и что теперь догоняемъ плѣнныхъ своихъ товарищей. Теперь можемъ мы говорить по русски.“

Насъ привели въ караульню къ спящему офицеру, и къ счастію приведшій насъ солдатъ не остался при допросѣ. Караульный офицеръ сперва думалъ, что мы только что взяты въ плѣнъ на аванпостахъ, и не хотѣлъ вѣрить, когда я

сказалъ ему, что я уже болѣе года въ плѣну, взять подѣ Москвою, а С. . . подѣ Лейпцигомъ. Я рассказалъ ему выдуманную нами басню, которой онъ однако же не повѣрилъ; да и повѣрить правда было трудно. Въ углу той же комнаты было нѣсколько человѣкъ бѣжавшихъ и пойманныхъ въ ту же ночь Англичанъ и Гишпанцевъ, а потому и былъ я очень радъ, когда офицеръ далъ приказаніе везти насъ по дорогѣ въ Божанси и въ первомъ селеніи представить меру. Отдаляясь отъ мѣста, гдѣ были мы пойманы, становилось мнѣ легче дать правдоподобный оборотъ разсказу моему. Къ тому же не только С. . . , но и я сдѣлались въ самомъ дѣлѣ похожи на больныхъ. Я не помню, чтобы я когда либо изнурился какъ въ несчастную эту ночь. Проходя ту деревню, въ которой ночью выходилъ унтеръ-офицеръ съ фонаремъ насъ осматривать, тотъ же унтеръ-офицеръ стоялъ у дверей караульни, и узналъ насъ. Однако же я отперся, и увѣрялъ, что я еще никогда не проходилъ по этой дорогѣ. Тутъ помогло мнѣ то, что замѣтливый, но не очень бойкій унт.-офицеръ находился въ нѣкоторомъ сомнѣніи: ночью видѣлъ онъ троихъ, а теперь было насъ только двое.

Наконецъ привели насъ въ селеніе, коего имени не упомяну, и прямо къ меру. На дворѣ стояла цѣпь скованныхъ арестантовъ, готовыхъ къ отправленію, и С. . . тутъ увѣрялъ меня, что видитъ два сбереженныхъ для насъ мѣста, которыхъ однако же мы не заняли. Какъ скоро я увидѣлъ меру, то началъ жаловаться на худое съ нами обращеніе, показывалъ на больнаго С. . . и требовалъ настоятельно подводы, чтобы догнать скорѣе плѣнныхъ. Меръ былъ пожилой человѣкъ, весьма привлекательной наружности, и я отдалъ ему полную справедливость; я увѣренъ, что онъ призналъ насъ за бѣглыхъ плѣнныхъ, но не хо-

тѣмъ вредить намъ, и притворяясь, что намъ вѣрить, велѣлъ намъ дать подводу и насъ накормить. Открытая крестьянская телѣга, въ холодъ и снѣгъ, показала намъ, послѣ прошлой ночи, роскошною повозкою. Мы спали до перваго мѣста, гдѣ подлежало перемѣнить подводу, которую дали безпрепятственно по открытому листу добраго мера, и въ тотъ же день поздно вечеромъ, догнали мы своихъ товарищей въ Турѣ, усталые, голодные и безъ денегъ. О побѣгѣ на-

шемъ не было еще извѣстно, и тѣмъ кончилось неудачное мое и С. покушение...

Тутъ, къ сожалѣнію, прерываются сохранившіяся записки гр. В. А. Перовскаго. Чтò было дальше, намъ неизвѣстно, и мы не знаемъ, какъ освободился изъ французскаго плѣна этотъ энергическій человѣкъ, которому впоследствии пришлось, но уже совсѣмъ въ другой обстановкѣ, выносить ужасы Хивинской экспедиціи, въ 1839—1840 годахъ (См. Чтенія въ Общ. ист. и др. 1860, кн. I). П. Б.

ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ КРѢПОСТНАГО СОСТОЯНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССИИ.

Въ 1766 году, 1-го ноября, т. е. въ то время, когда созваніе депутатовъ въ Москву для сочиненія Новаго Уложенія, хотя еще не обнародованное, было уже рѣшено, — въ Вольное Экономическое Общество, находившееся подъ особеннымъ покровительствомъ Екатерины II и считавшее между своими членами ближайшихъ къ ней людей, поступила отъ *неизвѣстной особы* тысяча червонцевъ, «на такое употребленіе, какое оно за благо разсудитъ». Деньги присланы во время засѣданія общества, при письмѣ, въ которомъ предлагался на обсужденіе извѣстный вопросъ о поземельной собственности крестьянъ. В. Экон. Общество положило отдать вопросъ на публичное рѣшеніе, къ 1 ноября слѣдующаго 1767 г., общаю выдать за лучшее сочиненіе по сему предмету сто червонцевъ и золотую медаль, и публиковало о томъ въ IV части своихъ «Трудовъ къ поощренію въ Россіи земледѣлія и домостроительства». Въ этой публикаціи приложено: «Ея императорское величество, всемогуществѣйшая наша государыня, о патріотическомъ усердіи неизвѣстнаго предложителя изображеннаго выше сего вопроса толикое изволила оказать благоволеніе, что высочайше повелѣла тому, кто объявить о себѣ и докажетъ, что при предложеніи онаго вопроса прислалъ 1,000 червонныхъ въ Экономическое Общество, дать 2,000 червонныхъ.» Публикація эта вѣроятно повторена и въ иностранныхъ газетахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ этотъ живо занималъ на ту пору нашихъ дѣдовъ, которые, по отзыву одного современника-англичанина, не хотѣли ни о чемъ ни говорить, ни думать, какъ

только о Наказѣ своей государыни и о депутатскомъ съѣздѣ въ Москву. Отношенія дворянства къ крестьянамъ въ краю Прибалтійскомъ начали тогда обращать на себя правительственное вниманіе, а въ Москвѣ производились допросы, справки и разбирательства по дѣлу извѣстной Салтычихи (см. 2-й вып. Р. Архива, сего года).

Награду, предложенную Вольнымъ Экон. Обществомъ, какъ извѣстно, получилъ иностранецъ, малоизвѣстный писатель по части сельскаго хозяйства, изъ Ахена, Беарде Делабей (Beardé de l'Abbaye, ум. 1771, см. о немъ въ 4 т. Nouvelle biogr. générale. Paris. 1859). Сочиненіе его, въ Русскомъ переводѣ, напечатано въ VIII части (первой въ 1768 г.) Трудовъ В. Экон. Общ., стр. 1—59. Дѣло въ томъ, что Беарде Делабей хотя и рѣшаетъ вопросъ положительно, и яркими красками рисуетъ блага свободы и ужасы рабства, но выводитъ его разсужденій тотъ, что «должно приготовить рабовъ къ принятію вольности прежде, нежели дана будетъ имъ какая собственность.»

Печатаемое нынѣ разсужденіе о томъ же предметѣ принадлежитъ Русскому законовѣду, *Алексію Яковлевичу Полюнову*, съ жизнію котораго читатели наши познакомятся въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ Р. Архива. Разсужденіе это обязательно доставлено намъ вѣнкомъ сочинителя *Д. В. Полюновымъ*. Оно, какъ намъ кажется, служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, какъ трудно совершаются великія преобразования: прошло оного ста лѣтъ, прежде чѣмъ ясно сознанная А. Я. Полюновымъ мысль стала приходиться въ исполненіе. П. Б.